

Искушение

Коробейники из Минатома делают большие деньги и большую политику

Владимир Орлов

ДИЛЕММЫ

События последних недель привлекли внимание к одной из наиболее противоречивых и перспективных областей российского экспорта — экспорту продукции российских атомщиков. Круги идут по всему миру. Израильский премьер Биньямин Нетаньяху во время визита в Москву предупреждает об опасности ядерного сотрудничества с Ираном, а в Вашингтоне недоумевают по поводу того, что Россия собирается строить атомную станцию в Индии.

Тем временем в мире все громче звучат голоса представителей экологических движений разных оттенков, требующих запрещения ядерного производства и экспорта. В Японии авария на предприятии по переработке ядерных отходов АЭС воскрешает страх, рожденный в Хиросиме и Нагасаки. В Германии противники атомной энергетики приковывают себя к рельсам, по которым следует поезд с радиоактивными отходами. А в Норвегии представители организации «Беллуна» бьют тревогу из-за того, что Россия может превратить свои списанные подлодки Северного флота в плавучие атомные электростанции (на что представители Минатома уклончиво отвечают, что из лодок станции делать не будут, но вот проекты строительства плавучих атомных станций разрабатываются).

Пока в мире бушуют нешуточные ядерные

страсти, Минатом, отчаянно преодолевая «чернобыльский синдром» отторжения российской атомной техники, проталкивает свою продукцию на рынки Европы и Азии: бывшее сверхсекретное Министерство среднего машиностроения рассчитывает заработать на этом не один миллиард долларов. Замышляется или уже происходит покорение рынков Китая и Словакии, Ирана и Болгарии, Южной Кореи и Кубы. На очереди «штурм» Германии, Индии, Бразилии... На продажу выставляется все или почти все, что «на прилавке» и «на складе»: реакторные блоки для атомных электростанций, топливо для АЭС, делящиеся материалы, в том числе высокообогащенный уран, технологии.

Министр Виктор Михайлов, сам себя называющий «ястребом», на самом деле в гораздо большей степени купец. В Бонне и Вашингтоне, точно также как в Тегеране или Дели, он рекламирует свой товар. Профессор МИФИ, исследователь, 15 лет жизни посвятивший ядерному полигону на Новой Земле, он занялся ядерным бизнесом, возможно, вопреки собственной воле: все-таки, если разобраться, в отрасли главное — производство, научные разработки, экспорт же — средство, но не цель. Возглавив знаменитый Средмаш в 1992 году, когда слова «атомная энергетика» и «развал» чуть было не стали синонимами, он быстро усвоил одну простую истину: государство не поможет.

Наоборот, государство требовало «нарастить экспорт». В противном случае под сомнение могла быть поставлена целесообразность развития атомной энергетики в самой России:

ЯДЕРНЫМ ЭКСПОРТОМ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АТОМНОГО ЭКСПОРТА: АЭС КОЗЛОДУЙ В БОЛГАРИИ (ВВЕРХУ СЛЕВА), ПОСТРОЕННАЯ ПРИ ПОМОЩИ СССР, И МОХОВЦЕ В СЛОВАКИИ (ВВЕРХУ СПРАВА), КОТОРУЮ СТРОЯТ ПРИ УЧАСТИИ РОССИИ

мол, если граница отворачивается, значит, и нам ставить эти реакторы боязно. Михайлов, до мозга костей средмашевец, не мог допустить, чтобы его потом назвали могильщиком отрасли. И пошел ва-банк.

Продавай, но проверяй

Если продажа партии современного оружия в страну N — это почти всегда коктейль из бизнеса и политики, то при продаже даже самых мирных компонентов для АЭС политика вопреки марксовым постулатам становится безусловным приматом по отношению к экономике. Что уж говорить о поставках ядерных технологий или технологий двойного применения. Кроме того, если мировой рынок обычных вооружений во многом рынок вольный, то ядерная торговля находится под пристальным вниманием международного сообщества.

Советский Союз в основном играл по правилам, установленным международными договоренностями об экспортном контроле. Это было и в его интересах как ядерной державы. Советский режим всегда с опаской относился к угрозе расползания ядерного оружия и отдавал себе отчет в том, что стоит однажды выпустить джинна из бутылки — в Ираке или в Румынии, в Аргентине или в Алжире, — и загнать его обратно будет мучительно сложно.

Торопясь войти в «сообщество цивилизо-

ванных государств», Россия в 1992–1993 годах подтвердила и значительно расширила прежние обязательства Советского Союза в области контроля над ядерным экспортом. «Контрольные списки», которые регулируют перечень товаров, подлежащих обязательному многоступенчатому лицензированию, подписывает лично президент. Однако традиционное российское отношение к закону в сочетании с императивным «все на продажу» сыграло злую шутку с теми, кто, вероятно, хотел исключить сомнительные поставки, чреватые — возможно, спустя десятилетия — угрозой для России же со стороны ее ныне благонадежных и, главное, кредитоспособных соседей. Всего один пример. 21 февраля 1992 года президент Ельцин подписывает распоряжение 75-рпс (секретное), в котором екатеринбургскому концерну «Промэкология» разрешались «изготовление, закупка, хранение, транспортировка, поставка и продажа за рубли и СКВ «красной ртути» в пределах ежегодной квоты на экспорт в размере 10 тонн», причем прибыль исключалась из налогообложения (чтобы не было следов сделок).

В данном случае не важно, что такое «красная ртуть»: миф, результат заблуждения — искреннего или неискреннего — сразу нескольких спецслужб или же условный код для некоего реального товара. Важно другое: экспорт материала, считавшегося, по некоторым документам, радиоактивным и годным для использования в специфической военной технике, санкционировался... секретным указом. Никаких лицензий, никаких «комиссий по экспортному контролю». Классический ход: раз «красной ртути» нет в «экспортно-контрольных списках», значит, нет и проблемы.

Секретное распоряжение президента в

ХОЛОДНЫЙ ДИЗАЙН ЭНЕРГЕТИКИ

свое время рассекретил Александр Руцкой, тогда еще вице-президент, когда оно понадобилось ему в политической борьбе. Но вот вопрос: сколько еще таких секретных распоряжений было выпущено, но не пригодилось в качестве компромата. Сколько еще таких «промэкологий» успели поработать под текущие экономические нужды реформаторских и постреформаторских правительств?

«Ядерный экспорт» — понятие слишком общее и легко может ввести в заблуждение. Одно дело — экспорт ядерных материалов и технологий, которые действительно вызывают беспокойство экспертов, если, конечно, это не природный уран, который для военных целей бесполезен. Другое дело — экспорт ядерных реакторов, строительство АЭС. Если объект поставлен под контроль Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), то такие сделки можно только приветствовать. Большинство экспертов сходятся на том, что риск ядерного распространения в таком случае минимален. А слухи... Они были, есть и будут. Их корни и в некомпетентности прессы, и — что не реже — в происках конкурентов.

Что касается атомных реакторов — главной статьи доходов ведомства Михайлова, — то трудно подвергнуть сомнению устоявшуюся с 1970 года формулу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В статье четвертой этот документ недвусмысленно поощряет пятерку официальных ядерных государств помогать неядерным государствам — участникам договора в мирном развитии ядерной энергетики. Видимо, «лакмусовой бумажкой» здесь должно быть даже не членство государства в ДНЯО, а готовность поставить объект под гарантии МАГАТЭ.

Конечно, заинтересованность государства в строительстве АЭС может быть обусловлена не только нехваткой энергоресурсов, но и желанием в перспективе получить доступ к военным ядерным технологиям. В этом случае можно было бы задуматься о военно-ядерных амбициях Японии, Тайваня, Южной Кореи. Конечно, нельзя упускать из виду и пример Северной Кореи, которая осуществила-таки наработку плутония. И все же для прекращения программ по сотрудничеству должны быть действительно весомые основания. Допустимо ли «домысливать» угрозу, исходя из политической конъюнктуры? А этим как раз и грешат американцы. Так было, когда они попытались оказать давление на Россию, которая строит для Ирана два атомных энергоблока в Бушере. Теперь звучит недовольство по поводу российского сотрудничества с Индией и Кубой. Соединенные Штаты, скорее всего, отдадут себе отчет в слабости собственной аргументации. Но давить пытаются. Потому что однажды, в случае с поставкой Россией криогенных двигателей Индии, это частично удалось.

Рынок есть рынок

Активное наступление Минатома в области поставок реакторов, каждый из которых должен принести от 800 миллионов до полутора миллиардов долларов, может быть развито в

Юго-Восточной Азии. Азиатско-Тихоокеанский регион в отличие от Европы, где АЭС сегодня выходят из моды, мог бы стать лакомым куском для министерства: бурный экономический рост, выводящий страны АТР на позиции лидеров XXI века, требует гигантских энергоресурсов. Однако Минатом может и не выйти победителем из торговой войны с Канадой, Францией и Японией за этот регион. Еще сложнее с Латинской Америкой — вотчиной американских энергетических гигантов.

Американцы атакуют Минатом неотступно. В начале 90-х пытались помешать выходу российского урана на американский рынок под предлогом обвинений в демпинге. Затем переключились на более тонкую игру — партнерство — соперничество. Партнерство — в том, что касается сделки о поставках в США высокообогащенного урана из России. Соперничество — в недопущении России на перспективные рынки, вытеснении с них под политическими предлогами, как это случилось, в частности, в Иране.

Используются и иные методы — непоставка в Россию суперкомпьютеров, о продаже которых на джентльменском уровне вроде бы договорились, но потом в Вашингтоне озаботились тем, что эти машины могут быть использованы и для модернизации российского ядерного потенциала. На памяти у специалистов и элегантно вытеснение российских атомщиков из КНДР. Новый сюжет: плохо скрываемое недовольство Соединенных Штатов в связи с готовящейся поставкой российского высокообогащенного урана в Германию (хотя и в этой сделке есть «темные пятна», а дефицит информации усиливает сомнения).

Если бы ядерная торговля ограничивалась поставками реакторов «под ключ», то Москва могла бы смело и без тени сомнения заявить на весь мир, что именно она в отличие от Соединенных Штатов способствует выполнению своих международных обязательств по развитию мирной атомной энергетики. Предполагается, что так она и поступит 7 апреля в Нью-Йорке, где открывается сессия Подготовительного комитета — первая из серии встреч нака-

АЭС во всем мире вызывают протест экологических движений. НА СНИМКАХ: ЧЕШСКИЕ ЗЕЛЕННЫЕ ПИКЕТИРУЮТ АТОМНУЮ СТАНЦИЮ ТЕМЕЛИН

нуне Конференции 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО. Примечательно, что в вопросе экспорта реакторов Россия пользуется безусловной поддержкой подавляющего большинства государств — участников ДНЯО.

Требуется контролер

Однако так ли уж безупречен на практике режим ядерного экспортного контроля в России, как он безупречен в бумажных, законодательных построениях? Есть ли гарантии того, что все сделки, связанные с экспортом ядерных материалов и технологий, а особенно технологий двойного применения, прошли экспертизу по всей цепочке многочисленных ведомств?

Всю вторую половину 1996 года Федеральную службу по валютно-экспортному контролю (ВЭК), которая, среди прочего, занимается и ядерным контролем, «трясло»: ее то «ликвидировали», то, после подковерной борьбы, «реабилитировали». Кому-то ВЭК сильно помешал. А ведь это чуть ли не единственный орган, который мог бы, вне ведомственного противоборства, давать заключения о выдаче или невыдаче лицензий. Сами лицензии выдает МВЭС, с которым ВЭК «на ножах».

Долгое время Комиссию по экспортному контролю при правительстве возглавлял первый вице-премьер Олег Сосковец — и он же курировал ВПК. Получалось: контролировал сам себя. А с началом чехарды в правительстве комиссия стала вообще неработоспособна.

Секретный образец танка, отправленный в Англию по воле вице-преьера; десяток бочек отравляющих веществ, ждавших на подмосковной даче отправки к Средиземному морю; радиоактивные материалы, которые уважаемая минатомовская фирма пыталась вывезти за рубеж в объемах вдвое больших, чем заявила в документах... Все это звенья одной цепи: трудно устоять от искушения экспортом. Трудно сми-

рится с тем, что экономическая целесообразность и интересы национальной безопасности не всегда совпадают. Да, от экспорта делящихся материалов и ядерных технологий Москва, только по официальной статистике, получила в 1995–1996 годах 4 миллиарда 250 миллионов долларов. Но кто просчитал возможные последствия того, что наши соседи оседлают полученные технологии куда проворнее, чем мы?

Можем ли с уверенностью сказать, кто будет союзником России в XXI веке?

В вопросах, что экспортировать и куда, Соединенные Штаты России не указ. Стойкое нежелание России принять американскую формулу Вассенаарских договоренностей, по которой мир делится на «хороших парней» (в данном случае «ядерная пятерка» — США, Франция, Англия, Россия, КНР) и «изгоев», заслужи-

вает уважения. А вот двухгодичной давности обещание Ельцина Клинтону «не продавать Ирану военную технику после 1999 года» выглядит как раз странным. В этом вопросе разобраться надо прежде всего в собственном доме. Тем более что прецеденты были. Так, в начале 90-х (еще до подписания контракта по АЭС в Бушере) руководство РФ отклонило заявку Ирана на строительство реактора на тяжелой воде. Наверное, не случайно решили не поставлять тому же Ирану и центрифужное оборудование по обогащению урана (хотя в январе 1995 года такое намерение было даже задокументировано), так как подобная технология может иметь и военное применение.

Экспорт и экспортный контроль должны стать двумя сторонами единой политики государства — поощрение экспорта возможно во всех случаях, если только это не ущемляет национальную безопасность и не противоречит международным обязательствам. Вторую часть формулы многие в России хотели бы похоронить. Но международные обязательства никто не отменял. Если видим, что не способны шагнуть в ногу с «законодателями мод» в области контроля над экспортом, не честнее ли будет публично отказаться от взятых обязательств? ■

Владимир Орлов — директор Центра политических исследований в России (Центр ПИР), редактор журнала «Ядерный контроль»

ЭКСПЕРТИЗА

«Мы не приемлем двойных стандартов»

Министр атомной энергии России Виктор Михайлов считает, что совместить партнерство и дискриминацию в торговле очень трудно

— Виктор Никитович, сегодня Минатом строит или собирается строить атомные электростанции, которые вызвали в мире немало споров. Чем вы объясняете настойчивость своего ведомства в отстаивании этих проектов?

— С некоторыми государствами третьего мира межправительственные соглашения были подписаны еще во времена Союза. Взяв на себя обязательство их выполнять, Россия восстанавливает научно-технические и коммерческие связи. При этом Россия не приемлет двойных стандартов в мировой торговле, тем более что мы сотрудничаем с теми странами, которые ставят наши объекты под международный контроль. Это касается не только уже существующих, но и новых соглашений и контрактов.

— Но ведь, к примеру, Индия упорно отказывается ставить свои объекты под контроль МАГАТЭ...

— Да, но это не касается атомной станции в Куданкуламе, о строительстве которой сейчас идет речь. Индийцы готовы поставить ее под контроль МАГАТЭ, нет никаких сомнений, что этот вопрос будет решен положительно. Выполняя соглашение, мы подталкиваем Индию поставить

под международный контроль всю свою ядерную деятельность.

В 1992 году Россия присоединилась к соглашению группы ядерных поставщиков, которые договорились о нежелательности экспорта ядерных материалов в страны, не поставившие свою деятельность под контроль МАГАТЭ. Но соглашение с Индией было подписано в 1988 году, и оно в любом случае не может иметь обратной силы.

— Может ли сегодня Россия использовать экономические рычаги, чтобы воздействовать на политику Индии в ядерной области?

— Это не дело Минатома. Мы не допускаем никакой самодеятельности. Как увязать межправительственное соглашение по Куданкуламу с вопросами большой политики, использовать ли при этом какие-то рычаги давления — решает высшее руководство страны. Минатом

же всегда действует только как исполнительный орган правительства России, который может и умеет строить атомные станции или, к примеру, продавать изотопы для нужд медицины.

— На вашей последней пресс-конференции, которая вызвала столько шума на Западе, среди потенциальных партнеров России вы назвали Северную и Южную Корею, Индонезию, Бразилию. Но ведь северо-корейский рынок мы упустили, а перспективы в остальных странах весьма туманны.

— Действительно, на сегодняшний день мы оказались вытесненными из Северной Кореи. Более того, Пхеньян остался нам должен миллионы долларов за подготовку площадки для атомной станции. Сегодня ее строит консорциум стран, в который входят США, Япония, Северная и Южная Корея. Консорциум приглашает нас к сотрудничеству, что предполагает финансовое участие в этом проекте на равных с остальными перечисленными странами. Словом, гипотетическая возможность сотрудничества существует, однако сегодня у нас свободных средств нет.

Что касается Южной Кореи, то в нее мы поставляем топливо для АЭС на коммерческой основе. С Индонезией и Бразилией подписано соглашение о мирном использовании ядерной энергии. Однако продвигаться дальше на этом рынке сложно, потому что он в значительной степени уже занят США и странами Западной Европы. То же самое можно сказать и о рынке Японии.

— Российский ядерный экспорт — не единственный источник раздражения Запада. В последний раз Минатом привлек к себе внимание, ко-

гда вы заявили о закупке суперкомпьютеров для моделирования ядерных испытаний. Эта сделка с компанией «Силикон графикс» очень не понравилась Вашингтону.

— Работать в условиях полного запрещения ядерных испытаний по поддержанию безопасности ядерных боеприпасов очень сложно. И, конечно, наши эксперты ставили этот вопрос перед американскими экспертами. Официального разрешения на покупку суперкомпьютеров, рассчитанных на 100 миллиардов операций в секунду, мы не получили. Больше того, США отказываются от того, что когда-то обещали нам эти суперкомпьютеры, хотя нашу заявку на суперЭВМ приняли полтора года назад, а потом временно отложили ее рассмотрение. Те же суперкомпьютеры, которые мы приобрели в Европе, — производительностью 5 и 10 миллиардов операций в секунду — были получены совершенно легально. Никаких условий нам продавец не ставил.

Что же касается самих США, то они сейчас уже разрабатывают компьютеры, способные производить триллион операций в секунду.

— Как вы думаете, Россия получит от США те компьютеры, которые просила?

— Не знаю. С одной стороны, у нас с американцами наладились партнерские отношения, сотрудничество, с другой стороны, ограничения по торговле с Россией сохраняются, и президент Ельцин много раз выступал за их отмену. Подобные ограничения и партнерство совместить очень трудно.

Маша Кацва
(Полностью интервью публикуется в журнале «Ядерный контроль»)